

НАХОДКИ В КОРОЛЕВСКОМ АРХИВЕ ШВЕЦИИ

КОНОВАЛЬЧУК Павел Васильевич —
главный специалист НИИ питания
РАМН (Москва)

Победа российских войск над шведскими при деревне Лесной 28 сентября 1708 года, получившая огромный резонанс в странах Европы и в Турции, была, к сожалению, вскоре забыта. События на Украине зимой 1708/09 года и Полтавская виктория отодвинули её на второй план. Позднее этому способствовало обилие исторических работ, посвящённых Полтавской битве, и немногочисленность сохранившихся подлинных документов по Лесной. У современных читателей, в том числе шведских, создавалось ошибочное впечатление о малозначительности и случайности этого досадного поражения шведов где-то в гуще дремучих белорусских лесов. Однако недавние находки в Королевском архиве Швеции говорят о том, что поражение генерала пехоты А.Л. Левен-

гаупта ещё долго было предметом разбирательств в самой Швеции.

Как стало известно вскоре после сражения, немалая часть корпуса (официальное название — курляндская армия. — П.К.) Левенгаупта сумела спастись от преследования русских и вернуться в Курляндию. Это подтвердилось многочисленными иностранными источниками. Однако подавляющее большинство отечественных историков, особенно академик Е.В. Тарле, оспаривали саму идею подобного отступления, ведь тем самым преуменьшались потери шведов в Леснянской операции. В частности, Е.В. Тарле в работе «Северная война и шведское нашествие на Россию» (М., 1958), ссылаясь на изданную в Стокгольме «с соизволения и с привилегией от его королевского величест-

Казачи и пленные шведы
Художник Ю.Е. Каштанов, 2003 г.

ва» листовку в шесть страниц, специально посвящённую описанию этого сражения, отмечал: «Листовка проникнута от начала до конца духом лжи и хвастовства. Автор ложно утверждает, что часть шведов, которых не досчитался Левенгаупт после сражения, вовсе не убита и не попала в плен, а просто ушла в Литву. Ничего подобного не было. Те солдаты и офицеры Левенгаупта, которые были отрезаны от своих и которые не попали в плен к русским, блуждали некоторое время по лесам и постепенно истреблялись белорусскими крестьянами». Это он написал, несмотря на то, что факт ухода шведских воинов был признан

Петром I («Письма и Бумаги Петра Великого». Пг., 1918), а с дневниками шведов — участников сражения прапорщика Р. Петре и лейтенанта Ф. Вайе, где прямо говорилось об уходе части войск в Ригу, уже ознакомились отечественные историки. Лишь в работе Н.И. Павленко и В.А. Артамонова «27 июня 1709» факт спасения части шведов был впервые признан в конце 1980-х годов.

За два с лишним месяца, прошедших после сражения (вплоть до начала 1709 г.), в Курляндию вернулись около 1500 бойцов корпуса Левенгаупта. Узнав об этом, Карл XII, с точки зрения которого возвращение воинов выглядело как дезертирство, уже 10 декабря 1708 года приказал генерал-

Калмыки
Художник Ю.Е. Каштанов, 2003 г.

Штандарты шведской армии

майору Клоту, исполняющему обязанности рижского губернатора в отсутствие Левенгаупта, самым тщательным образом расследовать дело и наказать виновных. И закрылись шестерёнки следствия, тянувшегося с перерывами с января 1709 до 1713 года. Удивительно, что за это время прогремела Полтава, затмившая своим размахом поражение при Лесной, сам король бежал в Турцию, были полностью захвачены прибалтийские провинции Швеции, война вновь перекинулась в Польшу и Померанию, фигуранты дела частью погибли и умерли, частью попали в плен, а следователи – кригсфискалы Каспар Лампа и Эллис, а также полковой аудитор Андерс Винблад упорно строчили протоколы допросов

подозреваемых и свидетелей. Не все из этих скрупулезно составленных документов дошли до наших дней, но большая часть, датированная 1709 годом, была случайно обнаружена в Королевском архиве Швеции в фонде документов военного трибунала за 1712 год. Эти документы стали поистине бесценным источником для автора статьи и его шведского коллеги – отставного бригадного генерала и командира лейб-гренадерского полка Эйнара Люта во время написания ими о сражении при Лесной книги, появление которой ожидается в Швеции в ноябре 2008 года. Расшифровку протоколов допросов, составленных на старосведском и старонемецком языках, выполнил и сам Э. Лют, и быв-

Офицерские знаки русской армии*1-я четверть XVIII века. Серебро, резьба, ковка, золочение*

шая сотрудница Королевского архива Швеции Анна-Мария Ленандер.

Справедливости ради необходимо отметить, что малая часть протоколов была в начале XX века введена в научный оборот Карлом Халлендорфом, который в своей книге «Карл XII и Левенгаупт в 1708 г.» ссылается на показания аудитора драгунского полка Шлиппенбаха И.А. Беннеке и лейтенанта Хельсингского полка Э. Лундмана, чьи полные информации протоколы хранятся в фонде документов Королевского архива за 1708 год. Однако даже они не были опубликованы до настоящего времени.

Много нового удалось узнать при прочтении найденных архивных материалов: точный список офицеров из числа вернувшихся, описание доселе неизвестных обстоятельств самого ухода такого

значительного числа солдат и офицеров курляндской армии назад в Ригу, альтернативное описание важнейших критических событий сражения, опровержение связанных с ним некоторых устойчивых мифов, особенно ве-

дения боевых действий в XVIII веке, а также возможность «услышать» голоса простых шведских, финских, прибалтийских «военных работяг» — рядовых солдат, драгун, барабанщиков, профосов, канониров, фельдшеров.

Естественно, у исследователей может возникнуть вопрос о

Офицерские знаки шведской армии*1-я четверть XVIII века. Медь, ковка, резьба*

Русские пушки и ядра
1-я четверть XVIII века. Чугун, бронза, литьё

достоверности и правдивости показаний подсудимых. Ряд деталей протоколов и соображений позволяет с большой долей доверия относиться к показаниям солдат и офицеров. Первое — это способ установления истины. Главный вопрос, который интересовал следователей: почему тот или иной офицер или солдат вернулся в Ригу, вместо того чтобы идти на соединение с армией короля, что помешало ему это сделать? Люди допрашивались по отдельности, у них выясняли имена свидетелей по каждому факту. Затем эти свидетели вновь допрашивались, их показания перепроверялись. Устраивались очные ставки. Если тот или иной фигурант ссылался на ранение, помешавшее ему добраться до армии короля, допрашивались военные лека-

ри, которые осматривали людей по прибытии их в Ригу и оказывали им помощь. Второе и, может быть, более важное соображение — набожность людей того времени. То, что многие сейчас считают религиозными предрассудками, для людей того времени было основой существования, силой, под воздействием которой они бесстрашно шли в бой. Поэтому с точки зрения протестантской этики их показания можно считать вполне правдивыми.

Что касается точного количества унтер-офицеров и рядовых, то по имеющимся разрозненным спискам их установить не удалось. Известно только то, что из них были сформированы два рижских гарнизонных полка.

Основу ушедших в Ригу составляли пехотинцы — солда-

**Холодное оружие русской армии
(фагунский палаш,
офицерская шпага, шпага
пехотная с португеей)
1-я четверть XVIII века**

ты и офицеры Бьёрнеборгского полка и Эстерботтенского батальона, в меньшей степени Нюландского, Аболенского и Нерке-Вермландского строенного полков.

Всё внимание суда фокусировалось на четырёх офицерах: генерал-квартирмейстер-лейтенанте Браске, подполковнике Бьёрнеборгского полка Хурне, капитане Нерке-Вермландского полка Люденыельме и капитане артиллерии Адлерыельме. Прочих офицеров и рядовых допрашивали с целью пролить свет на поведение этих четверых, которых подозревали в дезертирстве: Хурна — с поля боя, а двух последних из Пропойска — на

следующий день. Браска тоже тщательно допрашивали, но в конце концов признали невиновным.

Каким же образом столь многочисленная часть курляндской армии оказалась в Риге? Свет на это проливают прежде всего показания самого Браска. Стремясь выйти к Стародубу наикратчайшим путём, Левенгаупт приказал Браску ещё в Шклове найти надёжного проводника. Выбор пал на местного престарелого, полупарализованного литвина, который имел артель извозчиков. Он предложил в проводники самого лучшего из своих молодых работников, но шведы заставили и его показывать дорогу, причём из-за болезни старик вынужден был передвигаться в отдельной повозке. Проводники поступили под команду Браска, который ехал в авангарде. Денно и ночью их сопровождали и охраняли три

солдата и унтер-офицер Лифляндского конного дворянского полка Адельсфана (двое из солдат позднее вернулись в Ригу). Утром в день сражения оба они, как обычно, ехали в авангарде подполковника А.А. Мардефельта (Мейерфельта) по лесной дороге. Около 11 ч голову колонны в лесу неожиданно обстреляли русские аванпосты из отряда бригадира Фастмана, который к тому времени захватил Пропойск. Унтер-офицер Адельсфана был тяжело ранен в руку, и движение колонны приостановилось. Браск и Мардефельт запросили у Левенгаупта дальнейших указаний. На тот момент, когда командующий приказал авангарду вернуться на поле боя, проводники оставались в лесу под охраной. Были они там до глубокой ночи, до отхода остатков армии. В наступившей сумятице выяснилось, что Левенгаупт разминулся с Браском и последовал далее к Пропойску, забрав с собой молодого проводника с его охраной. Браск приказал старому проводнику показывать дорогу. За Браском, как за старшим по званию, последовали большая группа офицеров (в том числе подполковник Хурн, лейтенант Лаутербах и другие), а также некоторое количество солдат из различных полков. Однако движение по ночному лесу, в кромешной тьме, при постоянном уклонении от казачьих и калмыцких разъездов, снующих параллельно дороге

**Холодное оружие шведской армии
(шпага кавалерийская
и драгунский палаш)
1-я четверть XVIII века**

в расчёте на поживу, заставляло проводника столь часто менять направление пути, что он сам в конце концов запутался и к рассвету вывел отряд к окрестностям Быхова, где стоял сильный русский гарнизон. Здесь к нему присоединился ещё один отряд, в котором среди прочих находились раненый майор Лаутербах, капитаны Данненфельдт, Бёклер, Дельвиг, аудитор Пальмгрен,

**Огнестрельное оружие
армии Петра Великого
(фузея, штуцер, ружьё,
мортира, пистолеты)
1-я четверть XVIII века**

лейтенант Берг и другие. Поняв, что возвращение к Сожу чревато ещё большими опасностями, Браск был вынужден не испытывать судьбу и пробираться в Могилёв. Оттуда каролины направились через Минск в Курляндию.

Вторую большую группу беглецов составили офицеры и солдаты, которые не смогли уйти с колонной Левенгаупта из-за нехватки обозных лошадей или ранений и остались в Пропойске. По оценкам шведов, в городе, в районе местного кладбища, было до 1000 каролинцев, в большинстве своём раненых. Известно, что среди них оказались тяжелораненые командиры батальона Нюландского полка подполковник Лейон и батальона Аболенского полка подполковник Ваденфельдт. Около 15 ч к Пропойску подошла русская конница генерал-

лейтенанта Гебхарда Пфлюга, которая атаковала разрозненную толпу шведов. Их слабое сопротивление было быстро подавлено, и уцелевшие в резне шведы стали спасаться в близлежащих лесах и перебираться через приток Сожа – Проню. По какой-то причине вначале русские их преследовали вяло. Оказавшись в относительной безопасности, уцелевшие шведы пошли вверх по левому берегу Прони, до пересечения её с Рестой, а оттуда, поодиночке или группами, вернулись в Могилёв или Шклов. Дорога в Могилёв в среднем занимала от пары дней до двух недель (например, рядовой Эстерботтенского полка Якоб Юрвака с простреленным коленом ковылял по лесам до Шклова целый месяц), так что возможно, что порой отступающие шведы пересекались с отходящими от Лесной русскими войсками, как об этом упоминается в «Письмах и бумагах Петра Великого».

Была ещё одна не столь многочисленная группа каролин-

цев, которые самостоятельно перебрались всё-таки на левый берег Сожа в надежде быстро достичь королевской армии. Вообще надо сказать, что в курляндской армии существовало стойкое убеждение, будто армия короля находится буквально рядом, главное было пересечь Сож. Никто не представлял себе расстояний до Мглина и Стародуба и не знал путей туда.

Кстати, здесь стоит упомянуть ещё один миф — о мосту через Сож, якобы разрушенном драгунами Фастмана. Увы, он существовал лишь в воображении историков. Его никогда не было в Пропойске, как нет и теперь. Тех шведов, которые поодиночке и небольшими группами, на плотках, на стволах деревьев или вплавь перебирались через Проню на левом берегу Сожа ждало разочарование — королевской армии там не было! Некоторые бьёрнеборжцы (капитан Тизенгаузен, рядовые Охтола, Ниemi, Пуно и другие) свыше недели бродили по окрестным лесам, скрываясь от казаков, драгун и отрядов вооружённых крестьян, которыми были полны эти места. Многих из них взяли в плен, других убили, но некоторые сумели спастись, вновь переправившись через широкий стремительный Сож.

Последнюю, очень небольшую группу, составили каролинцы,

**Огнестрельное оружие армии Карла XII
(ружьё, мортира, пистолет)
1-я четверть XVIII века.**

сумевшие всё же добраться до Риги. Это оставшиеся на поле боя раненые, которым удалось укрыться в лесу (рядовые Бьёрнеборгского полка Селли и Яспис), раненные во время преследования колонны Левенгаупта от Пропойска до Глинок (прапорщик Гисселькурш, рядовой Корвала), взятые в плен русскими и сумевшие бежать (бьёрнеборжцы рядовой Унги и фурьер Арцтелиус, рядовой Эстерботтенского полка Элконен, который, будучи взят в плен под Пропойском, ухитрился вечером того же дня зарезать русского часового и сбежать из сарая, где содержали пленных). Наибольшую же предприимчивость выказал 20-летний рядовой Эстроботтенского полка Риндо, который, сделав подкоп, сбежал из тюремного каземата в Смоленске и добрался до Могилёва аж 5 декабря!

Несомненный интерес у исследователей протоколов вы-

**Шведский барабан с вензелем
Карла XII**

1-я четверть XVIII века

зовет описание некоторых важных моментов сражения и опровержение ряда устоявшихся мифов. Например, лишь один из каролинцев — лейтенант Лундман отметил перерыв во время сражения, а вьюгу с мокрым снегом, столь живописно описанную в дневнике Вейе, вообще никто не упомянул! Удивительно, что многие раненые шведы в крошечной тьме просто не заметили отхода армии с поля боя. Никто из историков не исследовал факт наличия в армии огромных стад ранее реквизированного домашнего скота, сковывавшего её манёвренность, и протоколы в этой связи позволяют иными глазами взглянуть на готовность Левенгаупта к сражению. Достаточно сказать, что половина артиллеристов к моменту начала сражения сопровождала

свой скот и обоз в авангарде, а из-за отсутствия пехотного прикрытия и артиллерийской прислуги шведы потеряли центральную батарею из 4 пушек практически в начале боя. Порой место артиллеристов занимали люди, артиллерийскому делу совсем не обученные (пехотинцы или профос Либо). В целом, к моменту сражения все части армии недосчитывали около четверти своего состава — солдаты были заняты перегонем скота, охраной обозов, управляли повозками с припасами, находились в авангарде.

Протоколы развенчивают главный миф сражения при Лесной — захват русскими моста через речку Леснянку. Факт заключается в том, что войска шведского авангарда вплоть до самого конца боя беспрепятственно пересекали речку и строились на левом фланге шведского боевого порядка. Одним из последних, в 16 ч в бой вступил Бьёрнеборгский пехотный полк, который на виду у противника спокойно выстроился на северном берегу согласно диспозиции Стакельберга и контратаковал русских. Его вынужденный отход к околице деревни повлёк за собой и поспешное отступление через мост смежного 1-го батальона Хельсингского полка. Многие люди при этом в давке сталкивали друг друга в болотистую реку. И даже после этого мост был свободен! Иначе невозможно объ-

яснить тот факт, что последние вернувшиеся на поле боя приблизительно в 17 ч 30 мин драгуны полка Шрейтерфельта и карельского эскадрона Цёге (всего свыше 500 человек) так же беспрепятственно пересекли реку по узкому мосту без перил, по которому могли проехать в ряд лишь два всадника, и неожиданно с тыла атаковали уже торжествовавших победу русских (свидетельство подполковника Хурна). А ведь войска не атаковали сходу, им надо было предварительно построиться на 200-метровом фронте. И это всё осталось незамеченным.

Другим не менее популярным мифом является утверждение, что, отступая ночью от Лесной, Левенгаупт не смог вывезти с поля боя артиллерию и был вынужден бросить её, а стволы пушек при этом приказал утопить в болоте. Однако это не так. Шведы сумели вывезти с поля боя 8 пушек, которые застряли в лесу (вероятно, где-то на середине дороги, в месте пересечения её с болотистой речкой Чистая Луга). По словам гантлангера Эселинга, артиллерийская прислуга пыталась вытащить пушки вплоть до наступления рассвета, когда приближение русских (видимо, казаков или калмыков) заставило командующего майора Юлленграната отдать приказ бросить орудия и спастись бегством.

Широко известный факт пересаживания Левенгауптом ос-

татков своей армии на обозных лошадях требует известной корректировки — как ни странно, но лошадей на всех пехотинцев не хватило! В Пропойске осталось до 1000 человек, из которых многие оказались просто безлошадными. При этом отмечена масса фактов, когда здоровые воины отбирали лошадей у раненых товарищей, а офицеры и унтер-офицеры — у рядовых.

Не менее интересными являются некоторые эпизоды боевого использования войск. Так, многие шведские драгуны, потеряв во время атак своих лошадей, пересаживались на брошенных русскими или продолжали сражаться в строю ближайшего пехотного батальона. Для пехоты считалось важным не давать первыми залп, а выдержать вражеский огонь и стрелять в упор, наверняка. В целом русская тактика массированного мушкетного огня превзошла шведскую тактику удара холодным оружием в сочетании с короткой огневой подготовкой. Русские войска буквально засыпали шведов градом свинца. Это подтверждают многочисленные пулевые ранения спасшихся каролинцев, например, рядовой Мёллер — пули в плечо и спину навывлет, Наски — пули в ногу и левый бок, Йорпо — в плечо и бедро, Нурри — дважды в левую руку.

В этой связи вообще уместно затронуть вопрос о физической выносливости и неверо-

ятной живучести воинов той эпохи. Читая подчас перечисление ранений, причинённых массивными крупнокалиберными пулями, не верится, что люди смогли после них выжить, а затем проделать такой огромный путь домой, часто в одиночку, голодные, подчас раздетые догола, без малейшей медицинской помощи. Тут пальма первенства принадлежит капитану Хельсингского полка Дельвигу — тяжёлое ранение пулей в руку, шрапнельная пуля в голову, пуля в бедро, рубленая рана ноги и две штыковые раны в спину. Он был так залит кровью, что сослуживцы его не узнали, пока он не назвал себя. Жестоко страдая от ран, он даже предлагал товарищам деньги, чтобы те его прикончили. Но его посадили на коня и, поддерживая с обеих сторон, доставили в Ригу! Он выжил и на трибунале требовал, чтобы с него сняли малейшие подозрения в дезертирстве. У рядового Армберга были прострелены оба колена, он скрылся в лесу у Пропойска, сделал костыли и в одиночку дошёл до Риги. Рядовой Пуно, 42-х лет, пересёк Сож вплавь, но был пойман казаками, раздет догола, получил 7 колотых ран пикой в спину, 2 — в темя, 1 — над ухом, ему отсекли палец на руке. Солдата бросили умирать, но он очнулся, через 8 дней добрался до реки, переправился вновь через Сож и пришёл в Шклов. В Ковно он уже поправился, а к Риге был

здоров. Рядового Кохлакса ранили 6 раз: пули в обе ноги, в спину и шею, палашом в левый бок и шею. Он голым лежал с убитыми на поле боя два дня, очнулся, скрывался в лесу, питаясь дикими яблоками; у рядового Асмундила — 5 рубленых ран головы, а у рядового Лаука — 8 и пуля в бедро.

Обилие и характер ранений свидетельствуют о невероятной жестокости боевых действий и безжалостности преследования спасавшихся шведов. Отряды русской иррегулярной конницы и драгун устроили буквально охоту за беглецами. Протоколы пестрят эпизодами грабежей и убийств пленных, добывания раненых. Но среди будничного описания жестокостей мелькают факты чудесного спасения. 53-летнего рядового Рэттсолу взял в плен и хотел застрелить казак, но ружьё дважды сделало осечку. Тогда казак связал солдата и выстрелил в упор из пистолета, но финн в момент выстрела повернулся боком, и пуля лишь скользнула по ребру, что спасло ему жизнь. Лейтенанту-хельсингландцу Лундману повезло буквально трижды. Раненый в голову пулей в бою, офицер сумел перебраться через Сож, где был взят в плен драгунами, которые его избили, ограбили, раздели догола, но отпустили на все четыре стороны. А рядового-аболендца Пёндио спасла его фляжка с вином. Взявшие его в плен казаки так увлеклись её

содержимым, что не заметили бегства своего пленника!

Имеются однако, и достойные удивления факты спасения каролинцев местным населением, порою бескорыстно и с риском для собственной жизни. Так, рядовой-бьёрнеборжец Аоска был спасён крестьянином (бояром, как его назвал финн; очевидно, шведы всех бородатых славян считали боярами). Тот кормил и лечил раненного в плечо солдата 2 недели, а потом отвёз в Могилёв. Фельдфебеля того же полка

Бергманна местный крестьянин проводил за 5 копеек в Кричев. Рядовому Сигги местный еврей бескорыстно лечил ногу 12 недель (!), прятал его от русских, а затем доставил в Могилёв. Тот пришёл в Ригу аж 16 марта 1709 года. Рядового Нурри переправили через Сож православные монахи, равно как полкового пастора Хольмгрена спасли несколько евреев, несмотря на известные межконфессиональные расхождения.

Пётр I со штабом
Художник Н. В. Овечкин, 1988 г.

Обнаруженные протоколы ждут своего дальнейшего исследования. Авторы книги с предполагаемым названием «Лесная 1708 год» выражают надежду, что документы помогут историкам создать правдивую картину тех далёких событий и распрощаться со многими устойчивыми мифами и устаревшими идеологическими штампами.